

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 340.12:343.2/7
URL: <http://hdl.handle.net/11435/2229>

Горшенков Г. Н.
С. 279–288.

Г. Н. ГОРШЕНКОВ,

доктор юридических наук, профессор

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

почетный профессор,

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, г. Санкт-Петербург, Россия

РЕЦЕНЗИЯ

**на монографию П. Н. Панченко «Государственно-правовые закономерности
в истории и теории государства и права и уголовное право».**

М.: ИД «Юриспруденция», 2014. 518 с.

В статье анализируется изученная в монографии проблема несовершенства законотворчества при принятии нормативных правовых актов, когда игнорируются государственно-правовые закономерности. Рассматривается позиция автора о том, что нормативные правовые акты должны удовлетворять не амбиции законодателей, а законные интересы граждан и государства. Подчеркивается практическая польза от тех правовых мер, которые предлагает автор для стабилизации экономики. Разбирается идея создания общей теории борьбы с преступностью и отношение автора к современной криминологии. Оценивается попытка автора подогнать уголовное право под стратегические задачи, стоящие перед Россией в разных сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: нормативный правовой акт; закон; право; преступность; законотворчество; криминология; государственно-правовые закономерности.

Представлять этого более чем известного в правоведении автора нет необходимости. И только формальность обязывает меня указать его научные регалии: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Павел Николаевич Панченко. Во множестве притягательных свойств этой светлой личности дружно вальсируют друг с другом две талантообразующих составляющих: физика права и лирика отношения к праву. Их вальсирование есть та самая игра мысли, которой были захвачены еще основоположники уголовной теории – Монтескье, Беккариа, Ломброзо, Тард... При этом главный образ игры создает метафора. Например, у Г. Тарда: «душа преступления» (месть, ревность, корысть, тщеславие) или «как жемчуг, вделанный в кинжал» (где «жемчуг» – искусство, а «кинжал» – преступность).

У Павла Николаевича – «философия бандитизма» (философия оправдания криминала) и «бандитизм философии» (оправдание преступного в антикриминальной политике); «голова – проходной двор» (при публичном обсуждении мыслей) и «голова – родной дом» (где мысль играет, рождая произведение).

После такого небольшого предисловия констатирую, что в «родном доме» профессора П. Н. Панченко «семеро по лавкам», имя крайнего из которых вынесено в название монографии и рецензии, к изложению которой я и приступаю.

Две начальные главы читаю с особым интересом и сопереживаниями, поскольку они посвящены коллегам, профессорам Юрию Григорьевичу Галаю (первая глава) и Владимиру Константиновичу Бабаеву (вторая глава). Две колоритные личности, известные ученые в

области истории и теории государства и права. Павел Николаевич не только правдиво и колоритно представил в книге образы этих незаурядных людей и ученых, но и наполнил их государственно-правовым духом. Главы читаются так, как и писал их автор – думая о закономерностях права и всматриваясь в образы тех, кто ранее размышлял об этом и у кого перенимал исследовательский опыт, их наследие, с помощью которого приходил к собственным открытиям в науке. «Отталкиваясь от этого наследия, удалось "наскочить" на такие вопросы в данной тематике, – пишет автор, – о которых ранее, может быть, нельзя было и подозревать» (с. 10).

Переходя к основному предмету своего исследования, автор определяет его как современную государственно-правовую действительность, для которой характерно такое изобилие законов и иных нормативных правовых актов, причем с настолько сложным содержанием, что разобраться в них обычному человеку (не юристу), как правило, не под силу. Да и профессиональные юристы нередко ломают копья в спорах о том, как надо понимать ту или иную правовую норму.

И зачастую это связано не только и не столько с тем, что правоведение – особая сфера и в ней, как и в любой другой, непрофессионалам делать нечего, сколько с тем, что законодатель упрощенно подходит к своему творчеству. «Упрощенно», т. е. пользуясь методом лабиринта (проб и ошибок), в частности, нередко принимает нормативные правовые акты произвольно, умозрительно, игнорируя соответствующие государственно-правовые закономерности. И, естественно, при таком подходе довольно часто не выручают ни здравый смысл, ни строгая логика, ни профессиональное мастерство.

Истина глаголет устами автора, когда он обращается к должному «образу» нормативных правовых актов, которые по своей сути, по своему статусу и назначению он видит удовлетворяющими *не амбиции* законодателей или корыстные интересы чиновников, политиков, предпринимателей либо других сильных мира сего, *а законные интересы* граждан, организаций, предприятий, учреждений, общества, государства.

Такие акты могут быть приняты только при условии, если они действительно являются откликом на определенные насущные социальные запросы, которые вызваны к жизни конкретной государственно-правовой закономерностью и от которой зависят определенные социальные отношения. Принятие

соответствующего нормативного правового акта может повлиять на определенную закономерность (приблизить или, напротив, отдалить перспективу ее проявления), т. е. создать условия, способствующие или, наоборот, препятствующие ее проявлению, открывающие ей, так сказать, широкий простор или ограничивающие – в полном соответствии с интересами тех, кого и представляют законодатели, или представительная власть.

Раньше все юристы, как сговорившись, можно сказать, на уровне подсознания, считали, что законы – это и есть непосредственное, прямое, полное и адекватное выражение той или иной государственно-правовой закономерности. Однако, как считает автор, часто бывает далеко не так: у закономерностей своя жизнь, определенная бытием, а у законов – своя, созданная субъектом «законотворящим».

В результате получается так, что в законах оказывается отраженной не сама жизнь с ее весьма объективными закономерностями, а лишь ее расплывчатый образ, «дорисовывать» который вынуждены другие «художники» – субъекты толкования. Это происходит оттого, что «законотворец» не проникся духом закона (т. е. содержанием и закономерностями естественной и социальной жизни), который так глубоко был исследован на заре уголовной теории великим Ш. Л. Монтескье.

И вот два с половиной века спустя о духе законов размышляет мой современник, известный российский ученый профессор П. Н. Панченко. Размышляет в современном, но своем неповторимом индивидуальном научном стиле. Это другой уровень научного воззрения. Его некорректно сравнивать с уровнем мировоззрения классической школы. Здесь важны качественные составляющие. Именно в них я вижу развитие научной мысли о животворящей силе, которая наполняет позитивные законы. В этом, в частности, и заключается смысл научной преемственности.

Преемственность же выступает основополагающим феноменом так называемой ретрологии, т. е. науки буквально о прошлом, точнее, творческом выражении значения прошлого в настоящем. Ретрология, в том числе и применительно к уголовному праву, криминологии, не занимается исключительно прошлым, а «делает на материале прошлого, но именно в настоящем и ради целей настоящего. Это культура настоящего, лишь принимающая вид культуры прошлого» [1, с. 482].

Процесс этот неизбежно реализуется через индивидуальную методологию ученого, его *осознание лич-*

ной ответственности к исторической правде. Именно таким, я бы сказал патриотически ответственным, ученым представляется мне Павел Николаевич. Его монографию можно смело отнести к ретрологической литературе. Для меня, увлеченного концепцией криминологической ретрологии, «Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право» являют образец именно такой «инновационной» литературы, в которой на основе научного прошлого, говоря словами самого автора, «открываются также перспективы раскрытия новых возможностей права» (с. 288).

Продолжая следовать за авторской мыслью о духе законов и о том, как не хватает этого духа законам неконкретным, неточным, неполным и, как правило, не имеющим нужного отношения к правовому, соглашаюсь с автором, который находит их ненужными, а то и вредными – когда они работают, скажем, на интересы теневого бизнеса, коррупционеров, расхитителей, в унисон с интересами тех субъектов, правосознание которых «пропитано» правовым нигилизмом.

Именно поэтому никакие поправки, вносимые в оторванные от жизни законы, утверждает автор, не дают ожидаемого результата, не приносят ровным счетом никакой пользы, законодатели же между тем делают вид, что *оправдывают* свое назначение и держат данные избирателям обещания, «гонят» вал ненужной текучей и текущей правовой материи: тут запретить, там «поджать», ужесточить и т. д. Законодательство должно быть не простой импровизацией – на тему о том, «что еще надо запретить» и (или) «построже наказать», а подлинным *открытием* того, что нужно для нормальной жизни людей. Полезно в данной связи вспомнить К. Маркса, который верно полагал, что мудрый законодатель (если он, конечно же, действительно мудр) не выдумывает законы, а, подобно естествоиспытателю, именно *открывает* их.

Интерес представляют глубокие суждения ученого о недостатках нашей экономики: сырьевой ее зависимости, падении уровня производства, снижении его эффективности и конкурентоспособности, росте теневой экономики и экономических преступлений, коррупции и иных должностных злоупотреблений. С нескрываемой болью за состояние дел в этой базисной сфере общественной жизнедеятельности пишет он, негодуя по поводу внедрения бизнеса во власть, а власти взаимообразно – в бизнес: «Душат экономику, наряду с растущим монополизмом:

- прямое вторжение в нее чиновников;
- слияние бизнеса с властью, а власти с бизнесом;

– коррупции в сфере взаимоотношений бизнеса и власти...» (с. 127).

Ученый выражает уверенность, что этому должен быть положен конец, и показывает ту роль, которую в этом играет право, в частности, те около полусотни правовых мер, которые он, вдохновленный идеями профессора В. К. Бабаева, предлагает к реализации для целей стабилизации экономики на позитивных направлениях ее развития (с. 129–138).

Интересны суждения автора относительно последствий выхода общества из-под контроля государства, а государства – из-под контроля общества. И в том и в другом случае последствия, как показывают события, произошедшие на Украине поздней осенью и зимой 2013/14 гг., весьма печальны. Естественно, данная ситуация побуждает к ответственному, критическому подходу к законодательству, в котором П. Н. Панченко придает важное значение адекватному отражению государственно-правовых закономерностей (в особенности относящихся к правам и свободам человека, в том числе экономическим, политическим, социальным, трудовым, профессиональным и т. д.) в законодательстве, и прежде всего непосредственно в Конституции РФ.

С особым интересом для меня как криминолога читается глава 3, в которой Павел Николаевич излагает свое видение государственно-правовых закономерностей через призму уголовно-правового («вытеснительного») и криминологического («предупредительного») направлений воздействия на внутренние и внешние закономерности преступности и на саму преступность. При этом ученый, руководствуясь диалектическим методом и системным подходом, создает видимую им картину борьбы с преступностью. Он исходит из традиционного, так называемого линейного мышления: есть причина, которая при определенных условиях порождает следствие. «Поэтому существующие причины преступлений, конечно же, надо искоренять», – пишет Павел Николаевич. Вместе с тем он отмечает, что «покончить с ними» быстро не получится: «...слишком глубоко и основательно они укоренились». Но выражает уверенность, что, занимаясь этим последовательно, планомерно и настойчиво, можно достигнуть результата, т. е. искоренить преступность, вырвав ее корни из общества. А пока она «продолжает свое триумфальное шествие по стране и планете» (с. 162–163).

Здесь я позволю себе каламбур: преступность (как свойство общества – преступн-*ость*) – неискоренимое явление, но цель ее искоренения совершенно

правильная. Дело в том, что эта цель – политическая. В отличие, например, от правоприменительной цели, которая, будучи выраженной в конкретных мерах, сроках, действиях конкретного исполнителя, является реалистичной, т. е. достижимой. Политическая цель в данном случае таковой не является, т. е. она нереалистична, неконкретна, безадресна и потому недостижима. У нее другой статус, это цель-ориентир, в ней заложена руководящая идея, призыв следовать в определенном, стратегическом направлении.

Неординарно мыслящий ученый пишет о латентности преступности, находя в этом ее свойстве «определенное благо», хотя и оговаривается при этом: «в относительном смысле» (с. 152). Но для меня эта оговорка в суждениях автора представляется совершенно ненужной. Павел Николаевич прав: преступность как социальное явление многофункциональна. В том числе она выполняет в социальном организме и положительные функции, например, «индикаторную», «коллективизацию чувств»; а в «серой теневой экономике» удовлетворяет свои насущные потребности большая часть населения. Например, профессор В. В. Колесников рассматривает экономическую преступность вообще как специфическую функцию общества и полагает, что в определенных исторических условиях преступность может сыграть позитивную роль в социальном прогрессе.

Замечу, что исследования криминолога профессора В. В. Колесникова никак не назовешь «умозрительной криминологией», как ее называет Павел Николаевич. Положения разрабатываемой им концепции экономической преступности основаны на противоречивой и небезопасной реальности. Кстати за выступления о своих исследованиях по телевидению, в которых ученый обнажил корни экономической преступности, он же и пострадал от рук криминалитета. Это один из примеров, когда криминологу дают понять, что негоже «выносить сор из избы».

В связи с этим не могу согласиться с отношением автора к современной криминологии, которую ученый находит наукой, «которая, не оторвавшись еще от пуповины советской криминологии, продолжает играть роль идеологической служанки политики, состоящую в том, чтобы власть могла сохранить хорошую мину при плохой игре – с преступностью...» И далее автор пишет: «Честной криминология будет в том случае, если избавит себя от забот по приукрашиванию положения дел с преступностью...» (с. 443).

Павел Николаевич прав в том, что криминология не идеальная наука и нуждается в совершенствовании.

В частности, размышляя о будущем этой науки, профессор Д. А. Шестаков пишет о современном процессе перехода криминологии с либерального на постлиберальный этап, которые «связаны со стремлением к свободе, критикой власти... с нарастанием этого стремления» [2, с. 21]. Критикуя современную уголовную политику, Дмитрий Анатольевич констатирует: «Населению – жестокость, оно ее любит... Доморощенным воробогачам (олигархам) – укрывательство. (За редким исключением: случай пауков в банке.) Западной Европе – видимость либеральности. Такую политику пора остановить» [2, с. 22].

О честности современной криминологии можно судить по работам таких ученых, как Я. И. Гилинский, С. У. Дикаев, А. И. Долгова, П. Н. Кабанов, М. П. Клейменов, В. С. Комиссаров, В. В. Лунеев, В. А. Номоконов, В. Н. Орлов, О. В. Старков, А. Я. Сухарев, Д. А. Шестаков и многие другие. Достаточно привести в пример лишь одну работу – Д. А. Шестакова «Преступность политики» [3], в которой с позиций новейшей криминологии дается понятие преступной политики и анализируются недавние ее проявления в мире, делается криминологическая оценка олигархической преступности и предлагаются правовые рычаги противодействия ей.

Именно благодаря таким исследованиям современная российская ветвь криминологической науки в значительной мере заявляет о себе как о критической криминологии (особенно это касается ее экономической, политической отраслей), которая задевает за живое не только криминал. Взять хотя бы одну из ряда современных «умозрительных» концепций – *криминологию закона*, которая ставит задачей выяснить, почему появляются неправомерные, криминальные и даже преступные законы. «Преступный закон, – пишет автор данной концепции профессор Д. А. Шестаков, – закон, который содержит положение (положения), попирающее уголовное право, а именно нарушающее установленный под страхом наказания международными уголовно-правовыми нормами либо внутренним национальным законодательством запрет...» [4, с. 20; 5, с. 21–36]

Одна из криминологических инноваций заключается в том, что ученые предлагают введение уголовной ответственности виновных, принявших преступный закон, т. е. законодателей. А поскольку это «дело невиданное, абсолютно новое, то оно предполагает разработку ряда вопросов процессуального права и судоустройства как внутреннего, так и международного уровней» [4, с. 22].

Кстати, созвучны идеям криминологии закона и рассуждения Павла Николаевича о том, что «власть пытается подчас "подминать" под себя право, "ломать" его "через колено"... то есть вести дела *не так*, как это нужно по закону» [с. 185]. Ученый высказывает сожаление относительно того, что за «манипулирование законом» не установлена ответственность в Уголовном кодексе РФ, подобно тому, как она установлена за манипулирование рынком (ст. 185³ УК РФ¹).

А что касается «приукрашивания положения дел с преступностью», то криминологи и здесь говорят свое веское слово. Примером тому может служить исследование *латентности* преступности, проведенное криминологами под руководством профессора С. М. Иншакова. Ученые приоткрыли «приукрашивающий» преступность «статистический занавес» и выяснили, что истинная картина преступности далека от зарегистрированной с ее многолетней устойчивой тенденцией снижения. Например, количество незарегистрированных преступлений составляет десятки миллионов, и фактически преступность имеет другую тенденцию – роста. Только какой прок от этих «откровений» криминологов, когда, как справедливо пишет Павел Николаевич, уголовно-правовая система («государственно-правовая "труба"») не может «пропустить через себя» больше преступлений, может рано или поздно «рвануть» (с. 151–152).

Можно сказать, что именно к «заслуге» криминологов следует отнести то обстоятельство, что в настоящее время преподавание этой одноименной дисциплины, мягко говоря, выводится («выдавливается») из системы высшего профессионального образования по специальности «юриспруденция».

Не могу не поддержать Павла Николаевича в аргументированной постановке вопроса об идее создания общей теории борьбы с преступностью – в рамках концепции уголовной политики. В монографии ученый уточняет свои представления о предмете и системе данной теории, показывает значение последней для отраслевых уголовно-правовых наук (с. 153–166), в особенности для нужд самого уголовного права (с. 166–182).

¹ УК РФ, гл. 22, ст. 185³. В ред. ФЗ РФ № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.07.2010, с изм. и доп. № 26-ФЗ от 7.03.2011 г. и № 420-ФЗ от 7.12.2011.

Если вдуматься в сущность того, что означает термин «концепция», станет понятным ее основополагающее значение для уголовной или, возьмем шире, антикриминальной политики. Концепцию (имея в виду лат. *conceptus* – «понятие»; *conceptio* – «восприятие») можно определить как систему понятий о воспринимаемом предмете. В этих понятиях выражены непреложные идеи, в том числе (подчеркну это) основанные на государственно-правовых закономерностях, которые указывают истинный путь к решению той или иной проблемы. Это есть *руководящие* идеи, которые, по сути, и «правят миром». Отсюда и термин «концептуальная власть», т. е. высший всеобъемлющий уровень социального управления, который базируется на понимании общего хода общественного развития. На этом уровне должны быть *замкнуты* и его *обслуживать* все остальные виды власти.

И вот здесь возникает непростой вопрос в связи с той ситуацией, на которую обращает внимание ученый, т. е. «страной управляет в большей мере политика, чем право» (с. 185). Но что такое политика? Павел Николаевич в свое время дал ответ на сущность этого явления. Проанализировав подходы к определению уголовной политики, он пришел к выводу, «что уголовная политика формирует главную линию, стратегические и тактические направления борьбы с преступностью» [6, с. 77]. «Формирует», надо полагать, «облачает» в концепцию, затем в законодательство, на основе которого политические идеи реализуются в жизнь. Политика, как известно (от Аристотеля), есть искусство управления государством. И что в этом управлении должно главенствовать: политическая воля или закон? Вопрос явно некорректный. Главенствовать должен государственный ум, которому и подчинены, можно сказать, равные по силе, но разные по статусу институты – политики и права. Государственный ум обязан обеспечивать гармонизацию между этими силами управленческого воздействия.

Так повелевает формальная логика, не знающая препятствий. Но в жизни, как известно, правит не только формальная логика, но и «логика» природы, нравственности, юридического закона. И все эти регуляторы нуждаются в гармонизации. Уголовное право Павел Николаевич рассматривает как «фактор и следствие проводимой государством уголовной политики» (с. 291). Фактор выступает движущей силой политики, и вместе с тем уголовная политика (вспомним, в соответствии с ее концептуальными положениями, руководящими идеями) порождает уголовное законодательство. Больше того, в основе уголовной

политики ученый выделяет множество составляющих, смежных политик как уголовного, так и иного (административного, гражданского, налогового) отраслевого характера. И это важно для формирования, структурирования и регулирования подсистем, или механизмов, такой сложной управленческой системы, какую представляет уголовная политика.

Размышляя над утверждением Павла Николаевича о том, что политика довлеет над правом, невольно провожу аналогию с разработанной когда-то на заре криминологической мысли частной теорией Ф. Танненбаума «драматизации зла» и нахожу, что сегодня следует говорить о большем – «политизации зла», или криминала. Термин «политизация» означает возбуждение интереса к политической жизни, приобщение к активной жизни в сфере политики, наполнение политическим смыслом каких-либо явлений, процессов, отдельных вопросов общественной жизни [7]. Но, когда политизация переходит за определенную грань (разумного, правового) предела, она становится способной «причинять ущерб нормальному процессу развития общества, его жизнедеятельности. В деятельности власти, в политической жизни крайне важно не перегибать палку, не перешагивать за рубеж здравого смысла» [7].

Именно этот эффект и открывается в авторских наблюдениях, когда Павел Николаевич пишет о профессии юриста, роль которого сводится подчас к уровню портного, который «шьет одежды бытия» в соответствии с законом лишь постольку, поскольку в это дело не вмешивается властная рука «начальства». Как только такое вмешательство имеет место, закон отступает, выражая свое молчаливое согласие с тем, что происходит, по существу, уже без его участия – хотя и при должном процессуальном оформлении» (с. 184–185).

Суждения о государственно-правовых закономерностях, проявляемых в преступности, и мерах борьбы с ней, подвигли ученого к систематизации знаний о функциях уголовного права. В работе представлена система функциональности уголовного права (с. 186–206). Правда, Павел Николаевич называет ее незаслуженно скромно – комплекс функций, хотя один лишь признак иерархии не позволяет абстрагироваться от термина «система».

Анализируя государственно-правовые закономерности в уголовно-правовом ракурсе, профессор, в частности, излагает свой взгляд на «поведение» закономерностей преступности и мерах борьбы с ней (гл. 3). При этом использует, как он уважительно

подчеркивает, уроки В. К. Бабаева. Сразу же отмечу: мне импонирует точка зрения Павла Николаевича на понимание им борьбы с преступностью и политику этой борьбы. Идея не отыгрываться «на мелочевке», а ударить преступность «по ее корням», безусловно, правильная, и критика пресловутой «палочной системы» правильная. Действительно, не все в статистике понятно и ясно.

На встрече с политологами в Москве в феврале 2012 г. президент РФ В. В. Путин в ответ на вопрос, сколько в России политических преступников, ответил, что не знает ни одного человека, кто бы находился в тюрьме по политическим мотивам: «У нас, по-моему, политических заключенных нет, и слава Богу»². Получается, что политическая преступность в стране есть, и этому феномену посвящены диссертации, сложилось, как я уже упоминал, направление в науке – политическая криминология. А преступников нет. Поистине обезличенное явление.

Нет в уголовной статистике об этом ярком явлении – ни слова, т. е. ни одной циферки. Для статистики политический криминал – это просто криминал. Как говорится, на нет и суда нет. Хотя политические мотивы Уголовным кодексом РФ не только предусмотрены, но и определены в качестве обстоятельств, отягчающих наказание. И как тут не вспомнить выражение главы российского правительства Д. А. Медведева, который прямо заявил на одном из совещаний силовиков: «Нет веры в эту статистику, брехня это зачастую»³.

Закономерность существования преступности автор усматривает, в частности, в пока еще сравнительно скромном морально-нравственном и духовном состоянии граждан, организаций, предприятий, учреждений, общества, государства, страны в целом, а также международных отношений, в которые все перечисленное выше включено, встроено, вплетено, вмонтировано и с чем сотнями и тысячами нитей связано, а *закономерность существования уголовного права* – в состоянии преступности и в том сравнительно невысоком морально-нравственном и духовном

² Путин: У нас нет политических заключенных. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/Cabinet/m.195454.html> (дата обращения: 14.09.2012).

³ Медведев попенял силовикам: их статистика – «брехня», взрывов и убийств на Кавказе не стало меньше. URL: <http://www/newsru.com/russia/19nov2010/brehnia.html> (дата обращения: 17.11.2012).

состоянии общественных процессов, которое ее (преступность) обуславливает.

Преступность есть свойство общественной жизни. В криминологии, как и в теории права, «важно признать, что дезорганизационные (в том числе и криминальные. – *Прим. авт.*) процессы в обществе по-своему естественны, объективны и составляют необходимый элемент социального развития» [8, с. 22]. Один из таких процессов мы и называем преступностью. Точнее, не весь «дезорганизационный процесс, а ту его часть, которая находит выражение в юридической оценке, т. е. как факты *преступления* уголовно-правового запрета. Как хорошо сказал известный криминолог профессор Ниль Кристи (ссылаясь на проф. Л. Хульсмана): «Преступность – это не объект, а продукт политики в области уголовного права. Криминализация – один из многих способов создания общественной реальности» [9, с. 70].

Меняется жизнь, меняется и оценка преступности – уже по новым критериям измененного уголовного законодательства. Таким образом, меняется реальность. Эти перемены Павел Николаевич представляет в неизменном своем «образно-научном» стиле: «преступность буквально вяжет страну по рукам и ногам», «не редкость терроризм, бандитизм, убийства», «продолжают распознаться экономические и коррупционные преступления», «воруют по-черному»... (с. 207). Все это, по словам ученого, вынуждает постоянно вносить в уголовное законодательство изменения, точнее, проводить его «косметический ремонт», вместо того чтобы вплотную заняться созданием нового уголовного законодательства. И вместе с тем автор отмечает положительные тенденции в развитии уголовного законодательства: демократизация, оптимизация, рационализация, либерализация и гуманизация. Каждой из этих тенденций в книге дается развернутая характеристика (с. 206–211).

Принципиально важным представляется тезис автора о том, что уголовное право способно достаточно эффективно выполнять свою миссию лишь в том случае, если оно является правом своего времени, т. е., содействуя формированию, обновлению и развитию охраняемых ценностей, самообновляется, развивается, совершенствуется.

В рамках анализа системы уголовного права ученый исследует стратегические задачи, стоящие перед Россией в области экономики, культуры, социальной и других сфер жизнедеятельности, а также принимает попытку «подогнать» под них инструментарий уголовного права. И надо сказать, что ему это удается

(с. 302–310). Как и удается показать позитивные тенденции пройденного российским уголовным правом пути.

Казалось бы, как говорят в народе, «черного кобеля не отмоешь добела» (особенно если речь идет об уголовном праве советского этапа его развития), но у автора это все же получилось. То есть российское уголовное право, трактуемое автором достаточно объективно («как оно есть»), а именно «без прикрас, гримас и масок», выглядит вполне терпимо и даже в чем-то, может быть, респектабельно (с. 310–330). Поистине Павел Николаевич не просто правовед, но и философ, социальный физик, лирик (самый настоящий поэт, что он прекрасно демонстрирует и в монографии), и этим отличаются его индивидуальная методология, оригинальный стиль, который трудно спутать с чьим-либо. Например, у автора уголовное право уподоблено «лоцману, проводящему корабль государства по коридорам, свободным от разного рода подводных камней» (с. 331); как «система поведенческих ориентиров», «координационный фактор всей правовой базы наступления на преступность», «определенный системообразующий потенциал данной базы» (с. 344–360).

Образно и потому доходчиво пишет он о сложности и результативности функционирования уголовного права в системе государственно-правового противодействия преступности. «Выжигание преступности "каленным железом" уголовного права, – пишет автор, – с одной стороны, а с другой – "вылизывание" ее "шершавым языком" культуры и прочих менее жестких средств уже сейчас сделали свое доброе дело. Люди спокойно ходят по улицам (во всяком случае в светлое время суток), не опасаясь ни ножа в спину, ни выстрела в упор» (с. 362). Может быть, в этом профессор выглядит излишне оптимистичным на фоне, например, возрастающего экстремизма (особенно крайней формы его проявления – терроризма), грабежей, разбоев, рейдерства как нового вида насильственной крайности, захвата предприятий. А это очень непростая форма. Как пишет правовед П. А. Астахов, «в кровавую рейдерскую атаку втянуты все: боевики, юристы, олигархи, судьи, губернатор, ФСБ, международные преступники и даже президент» [10].

Правда, автор высказывает озабоченность по поводу проблемы защиты от преступных посягательств и полагает необходимым (в условиях еще довольно сложной криминальной обстановки) создание системы обеспечения антикриминальной безопасности граждан.

Пафос пафосом, но надо смотреть правде в глаза. Пока еще уголовное право не столько страж порядка, не столько именно право, гарант безопасности и надежный щит, пишет ученый, сколько какая-то рыхлая нормативно-правовая мишура, паутина, набедренная повязка на дикаре, никак не способная быть одновременно и бронежилетом, спасающим от смертоносных стрел преступности. Не секрет, что если преступник замыслил совершить какое-либо преступление, то он обязательно его совершит. Нет в нашем уголовном праве той защиты, на которую мы все рассчитываем, отстегивая свои кровные в виде налогов на содержание многомиллионной армии силовиков.

Примечательно, что, по мнению опрошенных автором студентов-юристов (студентов факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»), в том числе благодаря бытовавшим в прошлом жестокостям (колесование, четвертование, заливание горла расплавленным свинцом, посадение на кол, сожжение заживо, отсечение головы и т. п.), человечество сегодня вплотную подошло, по существу, к полной отмене смертной казни (в том числе в виде внесудебной расправы), отмене безнравственных наказаний (например, вызывающих различные заболевания, в том числе связанные с ограничениями в питании, одежде, образовании, доступе к коммуникациям, СМИ, литературе, культурным ценностям, правосудию, нормальной гигиене) (с. 363).

Можно ли было обойтись без названных жестокостей? Опять же если рассуждать с позиции формальной логики, то, разумеется, да. Но если исходить из сущности, пусть даже и разумного, дикаря, то нет. И тот факт, что «первобытная» жестокость была, по существу, у всех народов, а у некоторых сохранилась в какой-то мере еще и до сих пор, не нуждается в доказательствах. В принципе, подобные жестокости, считает автор, были исторически необходимы, но не в том смысле, что без них нельзя было обойтись вообще, а в том, что люди тогда поступать иначе просто не могли – наверное, потому что так повелевали законы природы, довлеющая «культура дикости», на смену которой еще не скоро придет человеческая социокультура. Первые шаги к этому, как известно, были сделаны только в эпоху Просвещения, прояснения «гуманистического» сознания.

К тому же политика достаточно эмоциональна, чувствительна к общественному мнению и правоприменению, весьма подвержена воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров, особенно в случае при-

дания им публичности через СМИ. И это сказывается на ее динамичности, реализации политических идей, установок, выяснении и вполне возможной корректировке целесообразности государственных действий, их оценочных характеристик.

Вместе с тем автор признает, что посредством жестокостей человечество, подобно сказочному барону Мюнхгаузену, буквально вытаскило себя за волосы из того варварского состояния, в котором пребывало долгие тысячелетия и в котором оно могло остаться и до сих пор, как сохраняются еще кое-где, например, людоедство и прочие атрибуты начального этапа человеческой истории (с. 363). Но это, как представляется, дань тому прошлому, когда любая жестокость считалась оправданной, если допускалась в порядке реагирования на зло. Идея справедливости, состоящая не в воздаянии, отмщении, возмездии и т. п., не в пропорциональной соразмерности, не в избирательном гуманизме, а в максимально широкой минимизации применения наиболее строгих наказаний, в реагировании на зло не злом, а морально-нравственным воздействием на душу и сердце человека, постепенно все же пробивает себе дорогу, получает все большее развитие, обоснование, признание и практическое воплощение.

Все эти и многие другие интересные положения широко представлены в рецензируемой монографии, которая будит мысль и, надеюсь, станет хорошим подспорьем для любого читателя, строящего свою жизнь не абы как, не как Бог на душу положит, не наобум, а в определенном соответствии с лежащими в ее основе закономерностями.

Список литературы

1. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
2. Шестаков Д. А. Что жду я от криминологии завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2013. № 4 (31). С. 21.
3. Шестаков Д. А. Преступность политики. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 224 с.
4. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 75 с.
5. Богданов Е. В. Криминогенность экономических отношений и преступность законодательства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2010. № 1 (18). С. 21–36.
6. Панченко П. А. Советская уголовная политика: общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет / под ред. В. К. Бабаева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 198 с.

7. Халипов В. Ф., Халипова Е. В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М.: Луч, 1996. 271с. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizaciya> (дата обращения: 15.02.2014).

8. Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 35 с.

9. Кристи Н. Сверхсоциализация криминологов – преграда на пути проникновения в сущность // Криминология – XX век / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. 554 с.

10. Астахов П. А. Рейдер. URL: <http://tululu.org/b73546/> (дата обращения: 10.07.2015).

В редакцию материал поступил 27.08.15

© Горшенков Г. Н., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного права, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Адрес: 603000, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, тел.: (831) 431-04-60
E-mail: gen7976@yandex.ru

Как цитировать статью: Горшенков Г. Н. Рецензия на монографию П. Н. Панченко «Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право». М.: ИД «Юриспруденция», 2014. 518 с. // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 279–288.

G. N. GORSHENKOV,

Doctor of Law, Professor, Honored Vice-President,

Russian Criminological Association, Moscow,

Honored Professor,

Saint-Petersburg international criminological club, Saint-Petersburg

REVIEW

of a monograph by P. N. Panchenko «State-legal regularities in the history and theory of state and law and criminal law».
Moscow: «Jurisprudence» Publishers, 2014. 518 p.

The article analyzes the problem of legislation imperfection in the sphere of normative legal acts adoption, as it is studied in the reviewed monograph. The imperfection consists of ignoring the state and legal regularities. The author's position is discussed that the normative-legal acts should meet not the legislators' ambitions but the legitimate interests of citizens and the state. The author emphasizes the practical benefit of those legal measures that are proposed to stabilize the economy. The idea is developed of creating a general theory of crime and the author's attitude to modern criminology. The author's attempt is assessed to adjust the criminal law for the strategic challenges facing Russia in different spheres of life.

Key words: normative legal act; law; jurisdiction; crime; law-making activities; criminology; state legal regularities.

References

1. Zinov'ev, A. A. *Faktor ponimaniya* (Factor of understanding). M.: Algoritm, Eksmo, 2006, 528 p.
2. Shestakov, D. A. Chto zhdu ya ot kriminologii zavtra? (What I expect from criminology tomorrow?) // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2013, no. 4 (31), p. 21.
3. Shestakov, D. A. *Prestupnost' politiki* (Criminality of politics). SPb.: Alef-Press, 2013, 224 p.
4. Shestakov, D. A. *Vvedenie v kriminologiyu zakona* (Introduction into criminology of law). SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2011, 75 p.
5. Bogdanov, E. V. Kriminogenost' ekonomicheskikh otnoshenii i prestupnost' zakonodatel'stva (Criminogenity of economic relations and criminality of legislation) // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2010, no. 1 (18), pp. 21–36.

6. Panchenko, P. A. *Sovetskaya ugolovnaya politika: obshcheteoreticheskaya kontseptsiya bor'by s prestupnost'yu: ee stanovlenie i predmet* (Soviet criminal policy: general theoretical conception of struggling crime: its formation and subject) / pod red. V. K. Babaeva. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1988, 198 p.

7. Khalipov, V. F., Khalipova, E. V. *Vlast'. Politika. Gosudarstvennaya sluzhba. Slovar'* (Power. Politics. State service. dictionary). M.: Luch, 1996. 271 p. Available at: <http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizaciya> (accessed: 15.02.2014).

8. Shishkin, V. V. *Sinergeticheskii podkhod v teorii prava* (Synergy approach in the theory of law): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2007, 35 p.

9. Kristi, N. *Sverkhsozializatsiya kriminologov – pregrada na puti proniknoveniya v sushchnost'* (Oversocialization in criminologists – an obstacle on the way to essence) // *Kriminologiya – XX vek* / pod red. V. N. Burlakova, V. P. Sal'nikova. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2000, 554 p.

10. Astakhov, P. A. *Reider* (Raider). Available at: <http://tululu.org/b73546/> (accessed: 10.07.2015).

Received 27.08.15

Information about the author

Gorshenkov Gennadiy Nikolayevich, Doctor of Law, Professor; Professor of the Criminal Law Chair, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Address: 23 Gagarina Prospekt, 603000, Nizhny Novgorod, tel.: (831) 431-04-60 E-mail: gen7976@yandex.ru

For citation: Gorshenkov G. N. Review of a monograph by P. N. Panchenko «State-legal regularities in the history and theory of state and law and criminal law». Moscow: «Jurisprudence» Publishers, 2014. 518 p. // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 279–288.

© Gorshenkov G. N., 2015. Originally published in *Actual Problems of Economics and Law* (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in *Actual Problems of Economics and Law*, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

ПОЗНАНИЕ

Преимственная система инклюзивного образования : в 3 т. Т. 3: Инклюзивное образование в системе «Детский сад-школа-вуз» / А. В. Тимирясова, Д. З. Ахметова, З. Г. Нигматов., Т. А. Челнокова, А. В. Кочергин ; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 336 с. (Серия: Педагогика и психология инклюзивного образования в 3 т.).

Монография комплексно и полно освещает теорию, методологию и практику инклюзивного образования. Она может стать настольной книгой руководителей и педагогов, реализующих идеи инклюзии в образовательных организациях.

Содержание второго тома обращено к практике управленческой и педагогической деятельности, направленной на претворение идей инклюзивного образования в работе с дошкольниками, учащимися школ, студентами, имеющими особенности психофизического развития. В качестве ведущего подхода для построения преимственной системы инклюзивного образования был взят кластерный подход.

Во втором томе даны описание процесса создания кластера по инклюзивному образованию, педагогические и управленческие технологии, механизмы достижения результативности деятельности образовательных организаций в условиях стандартизации образования.

Адресована работникам образования и социальной сферы, заинтересованным в реализации идей инклюзивного образования, а также исследователям в сфере теории и практики образовательной инклюзии.